

Владимир ЗЕШИНСКИЙ

**ЦЕНА
ОШИБКИ**

Москва

Глава 1

Прижав руку к окровавленному боку, я выдохнул сквозь сжатые зубы и плавно перевернулся. Тело на несколько мгновений сковала острая боль. Я замер, а когда боль схлынула, принялся вертеть головой, осматриваясь. То, что предстало перед глазами, несколько удивляло, вызывало недоумение и не вселяло оптимизма.

Очнулся я минут десять назад, словно вынырнул из тёмной, тягучей воды, в которой непонятным образом оказался. Естественно, я слегка растерялся. Во-первых, меня насторожил ударивший в нос отвратительный запах. Во-вторых, тело ощущалось как хорошо отбитый кусок мяса. И, в-третьих, реальность казалась несколько странной.

Правым глазом я видел вроде обычное небо, кусты, крутые склоны, заросшие травой. Эти склоны натолкнули меня на мысль, что я каким-то непостижимым образом оказался в яме. Всё это я видел в естественных цветах. А вот левый глаз показывал несколько иную картину. Когда я смотрел им, то мир вокруг выглядел выцветшим, словно припорошенным то ли пеплом, то ли серым инеем. Думаю, не стоит говорить, что это весьма мешало. Так и хотелось моргнуть или потерять глаза.

Когда я попытался пошевелиться, понял, что сделать это не просто сложно, а почти невозможно:

мгновенно заболело всё, что могло заболеть. С силами я собирался минут пять. И вот, когда всё-таки повернулся, то смог полюбоваться интереснейшей картиной, которая ровным счётом ничего не объясняла.

Я лежал не в яме, а в чём-то вроде сильно заросшего оврага. И «отдыхал» тут не один, как оказалось. Овраг был заполнен телами. Судя по запаху, все эти мертвецы находились здесь не первый день.

Нахмурившись, я кое-как сел, стараясь при этом не сильно тревожить бок. Опустив взгляд на себя, замер, пытаюсь осмыслить, что такое вижу и что меня смущает. На первый взгляд всё было нормально, но я ощущал некую неправильность — то, чего никак не могло быть.

Подняв к глазам покрытые кровью и землёй руки, я повертел их, рассматривая. Не мои это руки, и это совершенно точно. Мне как бы давно уже перевалило за тридцать, а руки эти принадлежали ребёнку. Да и остальное тело, одетое в грязную, порванную рубаху, больше похожую на распашонку, как бы намекало, что ему (телу) ещё расти и расти.

Решив, что об этом подумаю немного позже, я приподнял своё выдавшее лучшие времена одеяние и внимательно принялся рассматривать бок. Резаная рана выглядела весьма странно: небольшая, всё ещё немного кровоточащая, но, если судить по затянувшейся части, ещё недавно она была намного больше. К тому же затянувшаяся непонятно когда часть намекала, что не так давно это тело едва не перерубили пополам. Не могли же ударить повторно в старый шрам? Или могли? Даже если так, то паренёк должен был погибнуть ещё в прошлый раз: уж больно шрам выглядел нехорошо.

Перевязать бы, да только чем? Да и руками трогать рану я не хотел: не хватало ещё занести чего-

нибудь к тому, что там уже, скорее всего, есть. Хотя рана не выглядела сильно воспалённой.

Медленно вернув рубашку на место, я ещё раз осмотрелся, на этот раз внимательнее. Овраг как овраг. Судя по насыщенности зелени, сейчас либо поздняя весна, либо раннее лето. Да и травы совершенно обычные, привычные глазу любого моего соотечественника.

А вот мертвецы заинтересовали. Что они вообще тут делают? Нет, понятно, что спокойно лежат и разлагаются, но, насколько мне известно, людей как бы принято хоронить. Или я чего-то не знаю? Ещё меня заинтересовало то, что все они были одеты в длинные рубахи, вроде той, в которой был я сам.

Больше ничего примечательного я не увидел, поэтому прислушался, уловив пение какой-то птицы вдалеке. Соловей? Я не совсем уверен, но что-то похожее.

Думаю, пора отсюда уходить. Или уползать. Как получится. Мне совершенно не нравится такое соседство. Странно ещё, что ночью сюда не нагрянули хищники, желающие полакомиться.

Кое-как поднявшись на ноги, я понял, что чувствую себя заметно лучше, чем сразу после пробуждения. Конечно, бок ныл, голова кружилась, а тело тряслось так, словно готово было немедленно рухнуть без сил, но я хотя бы смог встать. А ведь поначалу даже повернуться на бок казалось проблемой.

Медленно подковыляв к ближайшему телу, я начал осматривать его, надеясь, что это поможет получить хоть какие-то ответы. Очень и очень странно. Было в этом человеке нечто такое, что складывалось впечатление, будто он выходец из прошлого столетия. Грубые черты лица, борода, усы, длинные косматые волосы, руки-лопаты, тело кряжистое, мощное.

Немного посомневавшись, я обошёл тела, выискивая более-менее целую рубаху. Моя распашонка хоть и была длинной, почти до колен, но что-то подсказывало мне, что ещё одна лишней точно не будет. Мародёрствовать не очень хотелось, но кто знает, что меня ждёт за пределами этого оврага. Начало весьма настораживало, так что надо брать хотя бы то, что есть.

В итоге я всё-таки нашёл почти идеальную рубашку. Стащив её с трупа, свернул плотно, перевязав рукавами, и выдохнул. Никогда не думал, что придётся заниматься чем-то подобным. Хотелось бросить получившийся свёрток, но я задавил в себе лишние эмоции: не место и не время строить из себя цивилизованного неженку.

Подъём наверх дался мне с трудом: тело явно потеряло слишком много крови, да и внутренности немного беспокоили. Но я всё-таки выбрался. Правда, в самом конце чуть не свалился обратно, так как перед глазами всё потемнело. Кое-как смог ухватиться за подвернувшийся вовремя куст. Дождавшись, пока чёрные мушки перестанут мелькать перед глазами, поднялся с колен и выпрямился, тут же скривившись от прошившей бок боли.

Слева что-то мелькнуло, отчего я непроизвольно дёрнулся и, не удержавшись на ногах, свалился прямо в кусты. Хотелось материться, но я сдержал свой порыв. И так ничего не понятно, не хватало ещё больше неприятностей на свою голову зарабатывать.

Решив, что оставаться на том же месте, где закончилось моё падение, совершенно не стоит, я осторожно отполз подальше, прислушиваясь. Резаные раны сами по себе не появляются, насколько я знаю, а значит, это тело кто-то пытался убить.

Я замер, старательно не обращая внимания на пульсирующий бок. Кажется, такие приключения ему не по вкусу. Пролежал так минут десять, но никто вроде как не торопился отыскать меня и закончить начатое дело, и это радовало. Прямо сейчас встать я не мог. Подождав для надёжности ещё некоторое время, всё-таки кое-как поднялся и начал выбираться из зарослей. Руки тряслись, ноги тоже, голова кружилась, хотелось лечь и никуда не идти. Но я упрямо брёл вперёд, словно кто-то гнал меня от этого места.

Прежде чем медведем вывалиться из кустарника, я внимательно огляделся по сторонам. Что там было сзади, не скажу, так как обзор закрывали всё те же кусты, некоторые из которых достигали высоты в пару метров. А вот впереди меня ждал лес. Обычный такой хвойно-лиственный лес.

Выбравшись наружу, я доковылял до поваленного ствола, местами утонувшего в буйной траве, и сел на него — передохнуть. Вернее, рухнул, глотая воздух и вытирая выступивший на лбу холодный пот.

Когда тело перестало трястись, а перед глазами больше не плыли тёмные круги, я выдохнул.

Итак, что мы имеем? Овраг, полный трупов, которые одеты крайне странно. Судя по характеру ран, все покинули белый свет далеко не по своей воле. Если бы я жил пару веков назад, то смог бы списать всё это, например, на какую-нибудь войну. Тем более что мужчины своим телосложением вполне походили на древних воинов. Это объяснило бы и то, что людей не похоронили, а будто бы торопливо бросили, лишь избавив от одежды. Мертвецам она всё равно вроде и не нужна. Это могли сделать как свои, так и враги.

А ещё это может быть ограбление. Помнится, раньше всякие там разбойники нападали на обозы и вырезали охрану, прикарманивая чужое добро. Вот грабители совершенно точно забрали бы всё ценное, включая одежду. Но зачем тогда оставили рубашки? Некоторые из них были вполне себе нормальными, целыми и чистыми.

Всё это, конечно, интересно, но как я тут оказался? И где это вообще — «тут»?

Воображение как-то пасовало перед происходящим. Понятно, что это не шутка. Для сна всё слишком реально, особенно боль. Уж она точно не даст усомниться в том, что происходящее более чем реально. Что остаётся?

Прошерстил память, пытаюсь понять, не связывался ли я перед всем этим с подозрительными людьми. Нет, а вдруг я подписался на какой-нибудь сомнительный опыт и забыл об этом. Кто знает, что могут изучать во всяких секретных лабораториях. Вдруг люди давно уже научились шастать в прошлое, как к себе домой, только не стали делать это доступным для широких масс? А тело? Перемещение сознания? Да и прошлое ли это? Может, эти, в овраге, — какие-нибудь любители старины, предпочитающие жить, как наши предки, а лес позади — тайга. И всё равно: я тут каким боком, да ещё и не в своём теле?

Сколько бы я ни вспоминал, на ум ничего подозрительного не приходило. Последнее, что помню, — как собрал кое-какие документы, решив доделать всё дома, и вышел из офиса. Выехал ли я со стоянки и доехал ли домой, уже не помню.

Да и перед этим вроде как ничего необычного не было. Обыденные дела, работа, жена, разговоры с сыном о том, куда он хочет поступать, мысли о по-

купке новой машины. В общем, всё привычное, никаких посторонних раздражителей и неожиданностей.

Я напрягся, пытаюсь понять, что же такое упускаю. Казалось, на грани сознания вертелась какая-то мысль, но мне никак не удавалось её поймать: она быстро ускользала. А вскоре я и вовсе о ней забыл.

Встряхнувшись, я вернулся в реальность, опасно оглядываясь по сторонам. Глупо с моей стороны так глубоко уходить в мысли, когда я толком не знаю, есть ли какая-нибудь опасность поблизости. Да и лес как бы намекал, что он — далеко не лесопосадка вдоль трассы.

Поглядев на ноги, я понял, что босиком далеко не уйду. Примерившись к рубашке, снятой с покойника, принялся по мере сил аккуратно разрывать подол на портянки и ленты. После этого как можно плотнее обмотал ноги. Получилось не идеально, но лучше, чем ничего.

Закончив, с минуту постоял, а потом с сомнением поглядел на кустарник. Пробираться через него не слишком хотелось. Осмотреться бы. Повернувшись к лесу, оценивающе поглядел на дерево. Прислушался к себе. Нет, не осилю. А стоять тут довольно опасно: всё-таки запах разложения может привлечь зверей. Хорошо уже то, что их до сих пор не было (что уже странно), но кто даст гарантии, что так будет и дальше. А значит, шагаем в лес. Тоже опасно, конечно, но куда деваться.

Пройдя немного, я остановился и обернулся. А ведь по ту сторону кустарника вполне может быть дорога. Откуда-то же взялись эти люди в овраге. Конечно, их могли притащить и сбросить, чтобы скрыть следы преступления. А могли сбросить и с дороги, а я просто поднялся не с той стороны. Если

припомнить, на другом склоне кустарник был как-то помят.

И что даст мне дорога? Например, я могу наткнуться на людей. Это же хорошо? Не думаю. Кто даст гарантии, что эти самые люди, встретив меня, не закончат начатое? Никто. Судя по всему, с детьми тут не особо церемонятся. Понятное дело, убийцы могли давно уже свинтить, но проверять как-то не хотелось.

Но и в лесу меня может поджидать что угодно. Те же звери, например. Потоптавшись на месте, я махнул рукой и пошёл в лес. Всё-таки страшнее зверя, чем человек, надо ещё поискать.

Самочувствие каким-то подозрительным образом с каждой минутой всё улучшалось, что было весьма странным. Время от времени я поглядывал на рану, и, могу поклясться, она становилась всё меньше! С одной стороны, это радовало, а вот с другой — наоборот, немного напрягало.

Решив, что достаточно углубился в лес, я подумал о воде. Попить бы да смыть с себя кровь и грязь. Промыть рану. Пусть она и ведёт себя неестественно, но всё-таки рисковать не стоило.

Где в лесу можно найти ручей? Первое, что приходит на ум, — это овраг. В том, в котором я очнулся, никакой воды не было, но он ведь не единственный овраг на всю округу. Кроме этого, думаю, нужно следить за зеленью. Там, где вода, как мне кажется, трава будет пышнее и зеленее.

Воду я всё-таки отыскал. Часа через три, но это не так уж и важно. Главное, что в следующий раз буду помнить: стоит не только смотреть, но и слушать.

Ручей не был слишком широким, да мне и такого за глаза. Внимательно оглядевшись по сторонам, я сел на корточки и принялся смывать кровь и грязь

с рук. И только после того, как они стали идеально чистыми, сложил их лодочкой и зачерпнул воды. За-сомневался, конечно: всё-таки не привык пить воду вот так, прямо из ручья. Но пить хотелось, поэтому, недолго думая, выхлебал всё с жадностью и повторил процедуру. Вода оказалась нереально вкусной.

Напившись, я наклонился, чтобы умыть лицо, да так и замер. Пока шёл сюда, как-то позабыл, что я неким образом оказался не в своём теле, а вот сейчас реальность напомнила о себе.

Сомнений не осталось, я действительно ребёнок. Вернее, подросток лет тринадцати-четырнадцати. Повертел головой из стороны в сторону, разглядывая себя внимательнее. Волосы грязные, чёрные, висящие сосульками; не сказать, что слишком длинные, но шею закрывают. Черты лица вполне обычные: прямой нос, тонкие губы, высокие, острые скулы. Но больше всего меня заинтересовали глаза. Понятно, что в таком «зеркале» не слишком хорошо можно себя рассмотреть, но даже этого хватило, чтобы заметить: правый глаз вполне себе обычный, зелёный вроде, а вот левый выглядит как-то странно. Создавалось впечатление, будто он выцвел, да и вообще смотрится как пусть и подвижный, но стеклянный протез.

Приподняв руку, я аккуратно потрогал веко, пока не нажал осторожно на глазное яблоко, но никаких особых ощущений не испытал. На ощупь глаз воспринимался как совершенно нормальный.

Ничего путного в голову не приходило, поэтому решил пока не строить теорий, которые вполне могут оказаться всего лишь моими фантазиями. Может быть, глаз у этого тела всегда был таким, а может, это моё вселение так на него повлияло. Нетрудно догадаться, что глаз в любом случае повреждён. Да

я и раньше должен был догадаться, ведь вижу им совершенно по-другому. Хотя стоит сказать, что если поначалу это раздражало, то сейчас немного привык. Одна картинка словно накладывалась на другую. Конечно, нагрузка на мозг ещё есть, но я уверен: через некоторое время такое странное зрение перестанет меня беспокоить. Это похоже на то, как мы не видим своего носа. Он вроде как есть, глаза его видят, но не замечают.

Надёргав травы, я скинул рубашку и забрался в ручей. Вода была холодной, но не ледяной. Стараясь не задевать раненый бок, потёр тело намоченной и закрученной в подобие мочалки травой, смывая с себя засохшую кровь и грязь. Сложнее всего пришлось с волосами. С некоторым сомнением всё-таки попробовал «намылить» их песком, отыскавшимся в одном месте на берегу. Замучился потом вымывать, но хотя бы пропало ощущение, что у меня на голове жирный парик.

Пока мылся, время от времени замирал, осматриваясь по сторонам и прислушиваясь. Да, я типичный городской житель, дитя цивилизации, но беспечным глупцом никогда не был, поэтому осознал, что здесь я не на пикнике, где мне ничего не угрожает. И пусть лес выглядел безобидно, как с картинки каких-нибудь рекламных буклетов для тех, кто желает отдохнуть на дикой природе, но это не означало, что нет никакой опасности. Больше всего меня, конечно, волновали люди и дикие звери.

С одной стороны, надо выбираться к людям, ведь только у них я смогу узнать больше о том, куда попал. С другой стороны, я понимал, что мне их всё-таки стоит опасаться. А вот зверей совершенно точно не хотел видеть. Хотя...

Выбравшись на берег, с сомнением посмотрел на одежду, которая была в моём распоряжении. В любой другой ситуации я бы даже не взглянул в сторону этих тряпок, но сейчас выбор был небольшим. В любом случае с одежды нужно смыть хотя бы кровь, не говоря уже о неприятном запахе. Кажется, их никогда до этого не стирали. К стирке я отнёсся со спокойным пониманием и смирением. Что поделать, у меня нет ни другой одежды, ни прачечной под боком, ни стиральной машины, ни приятеля, на которого можно спихнуть эту обязанность. Так что песок, вода и руки. Закончив, развесил рубашки и портянки на ветвях ближайшего куста и на время забыл о них.

Теперь не помешало бы что-нибудь поесть. А вот с этим проблемы. Я понятия не имею, что тут в лесу можно есть, а что нельзя. Можно было бы поймать зайца или иного мелкого зверька, но как? Да и как его потом разделывать без ножа? Камнем? Ну, можно, конечно, поискать какой-нибудь острый камень, но толку от него, если зайца я вовек не поймаю? Впрочем, камень всё равно не мешает отыскать: какое-никакое, а всё-таки оружие, учитывая, что у меня нет ничего.

Что тут ещё можно есть? Грибы? Мне кажется, сейчас неподходящее для них время, как и для ягод. Всё это будет ближе к середине лета или вообще к осени.

— Проклятье, — пробормотал я, понимая, что попал действительно серьёзно.

С голоду умирать мне точно не хотелось, а значит, придётся всё-таки искать людей. А ведь ещё неизвестно, есть ли они поблизости.

Обратил своё внимание на ручей. А ведь в самом деле, можно наловить рыбы. Правда, в таком ручье